

слепые деструкции.

Понимание этого дает содержательный ресурс для обновления эвристических основ социальной философии, откуда во всяком случае правильно удалить парадигму обезличения. Пружина исторического развития — не цель, не мировой разум, не классовая борьба; она — в приемах гармонического самосогласования активности свободно действующих гуманитарных существ. Внутренний механизм движения истории — в самой истории, в шлифующихся веками правилах ее строения и устройства.

Говоря об этих правилах, нельзя не вспомнить об ориентированных на безусловное и непреходящее гуманитарных константах — социальных, моральных абсолютах (образы оптимальной жизни — цивилизность, демократизм, персональная автономия, независимость, всесилие права; этико-гуманистические идеалы достойного существования — альтруизм, человеколюбие, взаимопомощь). Новая философия истории разрушает эсхатологизм (телеологизм, провиденциализм, милениаризм, узкоклассовый коммунизм): выступая универсально цивилизационной внеэтнической, внеклассовой идеологией самостановления гу-

манитарности, она не имеет исторических рамок, ибо в деле совершенствования жизни с позиций приближения и приобщения к социокультурным и морально-этическим абсолютам «нет надежды конца и уяснения» (Толстой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. С.47-48.
2. Панарин А.С. Философия политики. М., 2002. С.101-102.
3. Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм в истории и современности. М., 2008. С.64-65.

U. Starkin

THE FORMATIONAL APPROACH: PROS AND CONS

Abstract: the author analyses heuristic instrument that was developed by followers of the Marx's macrosociology of research platform. From the side of accepted consideration formative approach have to be compensated by presentation of specific humanitarian determination of the historical process.

Key words: formative approach, historical process, the Asian way of manufacture.

УДК 168.5

Шабара А.В.

СОЦИАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВЛИЯНИЯ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА*

Аннотация: В статье идентичность исторического субъекта рассматривается в парадигме социального окна, согласно которой переход обществом из одного социального континуума в другой осуществляется посредством осознанного выбора одной из эвентуальных возможностей, основанных на конструкте ментального пространства. При этом особое внимание уделяется темпоральному аспекту измерения социальных хронотопов.

Ключевые слова: социальное окно, социальный хронотоп, идентичность, исторический субъект, темпоральность.

В рамках предложенной статьи мы намерены рассмотреть некоторые аспекты идентичности исторического субъекта с точки зрения его пространственных или, точнее, социопропространственных изменений, которые, будучи порождены обществом, имеют, в свою очередь, большое

влияние на ход социального развития вообще и идентичность исторического субъекта в частности. Из этого следует, что мы собираемся рассмотреть не столько физические характеристики изменений времени и пространства, в котором развивается тот или иной социум, сколько особенности включенности его в тот или иной социальный хронотоп (1). То есть, в совокупности социального пространства-времени, воспринимаемого как единый феномен (2). Ибо социальное пространство порождает социальное время, которое, в свою очередь, проявляет себя через социальное пространство. Поэтому, с нашей точки зрения, в корректном описании идентичности всякого исторического субъекта наряду с социальным пространством, должны быть указаны и его темпоральные характеристики (3). При этом под различными фазами социального времени-пространства мы подразумеваем качественно отличающиеся друг от друга состояния социального пространства. Из чего следует, что социальное

* © Шабара А.В.

время представляет собой способ измерения изменений социального пространства. В силу этого к социальным хронотопам могут быть отнесены такие известные всем феномены, как урбанизация, христианство, колониализм, постиндустриализация, а также коммунизм, неофеодализм и т.п. Поэтому социальное время-пространство может иметь как умозрительный (предлагаемый *социальный хронотоп*), так и воплощаемый характер (реализуемый *социальный хронотоп*). Заметим также, что практически все *социальные хронотопы*, будучи по своей природе связаны с изменениями общественной мысли и общественных отношений, были так или иначе предложены обществу. Но далеко не все из них были выбраны (4). На это существовали разные причины: и неприятие обществом, и неготовность, и невозможность принятия по причине внешней зависимости и т.д.

Отметим также, что изменения, порождённые социальным хронотопом, могут происходить сразу же (синхронно) или иметь отложенный вид. Чтобы не быть голословным, приведём примеры для обоих случаев. Первый проиллюстрируем в связи с резкими пространственными изменениями в Москве, произошедшими в результате выбора, сделанного Петром. Этот выбор привёл к тому, что была предпринята попытка насильно навязать русскому обществу конца XVII – начала XVIII века взятый в качестве образца, западноевропейский (голландский) хронотоп. Одним из ближайших следствий этой попытки стало резкое изменение облика Москвы. Разумеется, Москва не приобрела ни облика, ни статуса западноевропейского исторического субъекта (поскольку этот образец был обязателен лишь для дворян и служилых людей). Но, тем не менее, за короткий период правительственные учреждения, а вслед за ними и дворцы с усадьбами, за которыми последовали и жилища простого люда, переместились из центра города на север. В Немецкой слободе и прилегающей к ней местности были выстроены здания Сената, царской резиденции и т.д. Излишне говорить, что архитектура этих сооружений и планировка местности резко отличались от кремлёвского образца. Даже в настоящее время к северу от Кремля сосредоточена основная масса дворцов как правительственного, так и частного назначения. Эти здания до сих пор, даже потеряв прежний статус, определяют особенности развития города. Они продолжают задавать тон в организации «идеального» пространства с его упорядоченной архитектурной планировкой, парками, включающими в себя отрегулированные водные бассейны и т.п., то есть, всего того, что было в крайне малой степени присуще допетровскому способу организации пространства (5).

Приведём другой пример. Мы знаем, что

главной улицей в современной Москве является Тверская. Но она была главной не всегда. Тверская, как свидетельствуют источники, возникла в XV веке на месте проселочной дороги из Москвы в Тверь. В это время Тверь была крупнейшим из городов, расположенных сравнительно недалеко от Москвы. Однако знание нюансов подобного рода еще не дает нам ответ на вопрос, почему главной стала именно она, а не часть бывшей дороги на другой крупный город - Дмитров, превратившаяся примерно в это же время в улицу Дмитровку (сейчас – улица Большая Дмитровка, расположенная неподалеку от Тверской). Поэтому продолжим наши изыскания. Заглянув в литературу, относящуюся к XVIII веку, мы найдем сообщение о том, что в результате переноса столицы России из Москвы в Петербург эта улица получила особый статус: по ней проезжали русские цари для коронации в Кремле и ею же возвращались обратно в Петербург. И хотя последняя коронация была в России более ста лет назад, общественная структура улицы сложилась настолько прочно, что даже после неоднократной смены политических режимов за Тверской сохранились не только те социальные функции, что были присущи ей прежде, но и добавились новые. Помимо дома московского градоначальника (нынешняя мэрия), на Тверской появились новые министерства и управления – то есть, возросло ее значение, как управленческого центра. Помимо старых, всем известных московских магазинов (Елисейский гастроном, Филипповская булочная) появились новые, были реконструированы и расширены старые гостиницы («Националь», «Центральная» и др.). Это увеличило значение Тверской, как торгового и туристического центра. Перевод Государственной Думы на угол Тверской повысило статус улицы до уровня одного из политических центров общества. Таким образом, мы видим, как социальное время-пространство создаёт предпосылки для изменения городского пространства и даёт импульс развитию многообразных социальных связей этой части Москвы.

Приведём ещё несколько примеров. Возьмём для начала послереволюционный Париж. Одним из внешних проявлений социальных изменений, вызванных Великой революцией, была его пространственная реконструкция. Но если Бастилия была снесена в самом начале революционных событий (на её месте появилась площадь), то для появления многочисленных проспектов и бульваров, возникших на месте бывших частных владений и монастырей, понадобилось около ста лет. Они связали разные части города, что напрямую отвечало потребностям победивших страт - буржуазии, торговцев, ремесленников, рабочих (6). В результате Париж окончательно утратил сле-

ды феодального устройства, соответствовавшего преждему времени и пространственному способу организации общества. Похожие попытки подогнать физическое пространство под ментальные пространственные конструкты были свойственны и более поздним социальным радикалам. В Советской России на смену частным владениям пришли коммунальные дома, которые преобразовывали среду городов и зданий в пространство, соответствующее концепции взаимной помощи и поддержки (7). В фашистской Италии была предпринята попытка преобразовать социальную среду, исходя из совмещения классических представлений об организации пространства с функционализмом первых десятилетий XX века. В столице страны Муссолини, пытаясь воодушевить римлян на распространение итальянского владычества на средиземноморском пространстве (некогда входившего в состав империи), приказал снести сотни строений, чтобы открыть доступ к форумам эпохи Древнего Рима. Имея в виду древнеримский способ освоения пространства, Муссолини давал задания своим градостроителям относительно строительства городов с принципиально новой организацией пространства (8) и модернизации старых городов за счёт новых функциональных построек (9).

На этом основании мы можем дать ещё одно определение *социального хронотопа*. Он представляется нам, как мыслимое, идеальное время-пространство, которое в случае его принятия обществом, может быть реализовано в физическом пространстве. В некоторых случаях это пространство может быть принято обществом, но не иметь своего физического воплощения (т.е. существовать в виде *социального фантома*). Это ментальное пространство в том смысле, что, во-первых, оно порождено умом и существует в умах людей (10), а, во-вторых, потому, что структура этой ментальности имеет пространственную организацию. Под пространственной организацией мы понимаем то, что ментальная структура состоит из элементов, связи между которыми определяют объём, как в случае представления структуры в виде образа, так и в случае воплощения этой структуры в реальном пространстве.

Можно отметить ещё одну особенность социального хронотопа: он представляет собой концептуальное пространство. Это пространство концептуально в том смысле, что его структура парадигмальна, то есть, представлена в виде некоего образца, следуя которому можно изменить «действительное» пространство (как физическое, так и социальное). В результате воздействия концептуального пространства, физическое приобретает такую форму, в которой всё становится сообразно и соразмерно человеку (11). В частности

это находит своё проявление в особом виде времени. В.И.Вернадский в этой связи высказывал предположение, что ноосфера, будучи продуктом «переработки научной мысли социального человечества» представляет собой особый пространственно-временной континуум, в котором время проявляется не в качестве четвёртой координаты, а в виде смены поколений (12).

Пространственная организация ментального хронотопа связана, на наш взгляд, со свойством человеческого мышления оперировать в своей деятельности пространственными образами. Ибо линии, схемы и абстрактные понятия, используемые человеком для описания тех или иных явлений и процессов, являются для него лишь языком, то есть средством передачи тех или иных качеств объёмного мира. Этот язык (как естественный, так и искусственный) был призван описывать пространство и все явления в нём проистекающие. В силу этого всякая попытка вытеснения из языка пространственных характеристик связана со значительными условностями. Возьмём в качестве примера рассуждения Платона. Большинство его идей в неявной форме обладают пространственными характеристиками, например, идея корабля, в которой уже заложен принцип длины, ширины и высоты (13). Что касается других – например, идеи прекрасного, добродетели или свободы, о которых так любил рассуждать платоновский Сократ, то они также немислимы вне пространства или, точнее, социального пространства. Коротко говоря, пространственное мышление было свойственно всем социальным мыслителям, как древним, так и современным. Благодаря этому мы не только понимаем, но и представляем утопические общества Платона, которые он изобразил в повествовании об Атлантиде и в диалоге о государстве (14), Т. Мора (15) и их многочисленных последователей. Одни из них предпочитали населять своими конструктами южные острова, другие – отдалённые земли (16), а в последние двести лет стали создавать образцы идеальных обществ на других планетах. Да что говорить об островах и планетах, если даже рай и ад, согласно ряду христианских концепций, имеют свою топографию (17). Подобные творения обычно относят к социально-философской литературе, определяя их, как утопические (т.е. описывающие несуществующее место). Подобное название, которое после «Утопии» Т.Мора стало определять целый жанр, служило указанием того, что речь идёт только о концептуальном, а не о реальном пространстве (18). Но пренебрегать значением подобных концептуальных пространств, которые обладают парадигмальным потенциалом для преобразования, тоже было бы весьма опрометчиво. Ибо, если они и не всегда обладают прямым воздействием на выбор образца, с которым

большинство общества хотело бы так или иначе идентифицироваться, то косвенное воздействие (подчас в весьма отдалённой перспективе) на поиск желаемого социального пространства вряд ли стоит кому-либо доказывать.

Но, разумеется, поиски новой концептуально-пространственной идентичности были свойственны не только социальным мыслителям; это было и есть повсеместное явление. Объяснение сего феномена заключается в том, что, во-первых, представления о необходимости изменения социального ландшафта нередко зарождались даже в низах (о чём свидетельствуют многочисленные бунты и восстания бедноты в разных странах). А, во-вторых, в произведениях признанных и влиятельных философов наиболее значимые и востребованные феномены (такие как свобода, права личности и др.) были подчас настолько лапидарно описаны, что создавалось впечатление о преднамеренном отсутствии точного определения (19). Рассмотрим это утверждение на примере понятия «свобода», которое было ключевым для значительной части французов XVIII в, не представлявших без неё грядущего переустройства социального пространства Франции. При этом французы (мы имеем в виду, прежде всего, т.н. третье сословие) в конце XVIII в боролись не за какие-то абстрактные идеи свободы и равенства. Думать так - значит сильно недооценивать их умственные способности. Они прекрасно понимали, что эти идеи лишь упрощённо выражают то, что они достаточно ясно представляли себе в виде вполне житейских ценностей, воплощённых во временно-пространственных координатах. И представляли подчас весьма отлично от того, как их изображали признанные идеологи того времени - такие как Вольтер, энциклопедисты, Руссо (20). Что, кстати говоря, вполне соответствовало представлениям одного из них (Гельвеция), заметившего, что от несчастных нельзя требовать совершенства. К тому же идеологи, ориентируясь на свои концептуальные пространства, призывали по существу к разным свободам. Вольтера вполне устраивало пространство современной ему Франции, которое нужно было лишь иначе обустроить (кстати, под надзором королевской власти). А вот Руссо утверждал, что настоящая свобода была возможна лишь на лоне природы, в пространстве, лишённом почти всяких признаков культуры, ибо немислимое без частной собственности культурное пространство, равно как и породившее его гражданское общество, являются величайшим злом человечества (21).

Всё это привело к тому, что идеи просветителей были приспособлены под насущные проблемы наиболее радикальных представителей третьего сословия, проповедовавших беспощад-

ную войну против аристократов. Понятие свободы (как, впрочем, равенства и братства) было настолько искажено, что проявлялось в чуть ли не вседозволенности народных масс, руководимых «друзьями народа». Ближайшим следствием этого явилась социальная агрессия. Вначале она была обращена во внутрь общества (что привело к неслыханному ранее во Франции террору), а затем перенаправлена вовне (в этом случае объектом террора стали все европейские государства). В результате социальное пространство и время Франции, а затем и обществ Западной и Центральной (жертв французской агрессии) изменилось почти до неузнаваемости. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на идентификационных изменениях. Французы уже никогда не расставались с самоощущением личной свободы. В остальных западноевропейских странах, под влиянием занесённых французами идей о примате нации, постепенно происходила смена феодальной (т.е. узкосословной) идентичности их сообществ и наметился явный крен в сторону движения к образованию национальных государств. Иными словами изменение социального хронотопа повлекло за собой и изменения идентичности исторических субъектов.

Приведя примеры того, как пространственная идентичность зависит от *социального хронотопа*, укажем также на случаи его влияния на темпоральную идентичность исторического субъекта. Критерием этого влияния будет, так же как и в случае с городским пространством, социальная маркировка. Только индикаторами будут уже не обозначения, опирающиеся на оппозиции центр-периферия, власть-подчинение, богатство-бедность (ибо именно они объясняют причины разделения и распределения пространства), а показатели, указывающие в основном на идею, господствующую в обществе в это время. Возьмём, например, эллинский хронотоп - древнегреческую модель организации времени-пространства. Будучи принятым - точнее, насаждённым, но не отторгнутым - в обществах Востока, он породил там то время, которое мы сейчас обозначаем, как эпоху эллинизма. Заметим, что терминам «эллинизм», «эллинистическое искусство», «эллинистические государства» и т.д. около двухсот лет, хотя все они обозначают события, которые происходили в период с IV по I вв до н.э. В такой маркировке, помимо темпоральной составляющей присутствует и телеологическая (точнее *кваситеологическая*, поскольку телеологическое содержание было приписано позднее) компонента, указывающая на цель развития поименованного субъекта. Но «эллинизм» - далеко не единственная темпоральная и телеологическая маркировка исторического субъекта, произошедшая а posteriori: наименова-

ние «Ренессанс» тоже «возникло» после исчезновения феномена - через 400-600 лет после того времени, которое нам сейчас известно как эпоха Возрождения (22). Впрочем, бывают и синхронные маркировки таких событий, которые качественно преобразуют общество. Например, все революционные события – будь то революции во Франции, России или других странах – если они действительно резко изменяют идентификационные качества субъекта, - замечаются современниками сразу и получают (иногда вместе с субъектом) соответствующие темпоральные характеристики. Например, конец «Июльской монархии» во Франции положила «революция 1848 года». А в России «Временное правительство» пало в результате «Октябрьской революции».

Продолжая рассуждать по поводу хронотопов, заметим, что для любого субъекта время проявляет себя через пространство. Если пространство не меняется, то и время воспринимается как застывшее. Таким образом, только изменение пространства (внешнее или внутреннее) даёт субъекту точку отсчёта времени (23). И оно же, наряду с особенностями человеческого развития определяет направленность времени. В этом смысле мы можем воспринимать направленность времени как субъектный произвол. Ибо, различают ли время за пределами нашего социума, а если различают, то как воспринимают, мы пока знать не можем. В последнее время получили распространение гипотезы о том, что время может иметь разную направленность (24). Нас в данном случае подобные предположения могут заинтересовать тем, что они противоречат традиционному способу анализа социальных субъектов. Ибо существующие способы идентификации исторических субъектов, а также прогнозы их дальнейшего развития основаны на т.н. «стреле времени», предполагающей уникальность (единственность) прошлого. Но способны ли мы, опираясь на гипотетическую возможность обратимости или разнонаправленности времени, извлечь что-либо полезное для характеристики исторических субъектов? На наш взгляд нет. Мысленный эксперимент на эту тему как-то предложил Н.Винер. Он представил как некое разумное существо, время которого имеет противоположную по отношению к нам направленность, посылает нам сигнал. В случае, если бы мы были в состоянии уловить этот сигнал, мы бы восприняли его в обратном порядке. А потому то, что являлось бы для нашего респондента причиной, для нас бы явилось следствием. И наоборот. Посему договориться бы не удалось (25). Если продолжать размышления на эту тему и допустить существование существ, у которых время в принципе не пересекается с нашим (то есть мы находимся в разных пространствах), то о взаимной идентификации во-

обще не может идти никакой речи.

Но возвратимся к социальным особенностям восприятия времени. С одной стороны, пространство, в котором мы некогда появились, задавало нам те ориентиры, которые были в дальнейшем использованы для выработки представлений о времени и его характеристиках. Если отвлечься от утверждений, что представления о пространстве и времени являются врождёнными характеристиками (26) и не рассуждать в этой связи о прачеловеке и его предках, а сосредоточиться на деятельности человека в узкосоциальном смысле, когда совокупность разумных людей (*homo sapiens*) уже могла совершенно осмысленно соотносить свою деятельность с особенностями вмещающего их пространства, то, как справедливо писали многие антропологи, наблюдаемая *homo sapiens* регулярность изменений, связанных с движением Земли и других космических тел относительно друг-друга (Солнца, Луны и др.) задавала размерность, которая стала использоваться людьми в качестве одного из основных критериев пространственных изменений. В дальнейшем на этой основе, по мере востребованности, были созданы более мелкие единицы вплоть до миллионной и более доли секунды. Да и сами способы измерения времени становились всё более изощрёнными. В частности, на парижской конференции по мерам и весам (1964 г) за эталон секунды было признано 9 192 631 770 колебания генератора, вызванных пространственными перемещениями атомов цезия.

В связи с особенностями восприятия времени можно вспомнить об известном предположении, что время является незаконорождённым понятием, возникшим в результате появления в сознание идеи пространства (27). Нам не слишком близка эта мысль, так как мы полагаем, что идея о временной размерности генетически связана с представлениями человека о пространственных изменениях. Иначе говоря: от фиксации изменений пространства, породившей идею времени, человек перешёл к идее движения в пространстве. В связи с этим у него возникла мысль и о движении времени. И потому вряд ли стоит говорить о незаконорождённости этого понятия. Но, ассоциация движения со временем привела к вопросу о том, куда может двигаться время? Самовосприятие человека устроено таким образом, что он, вне зависимости от направленности движения (в т.ч. вверх и вниз) по большей части ощущает, что движется вперёд. Это связано с особенностью расположения его зрительных органов. В силу этого, рассуждая по аналогии с собой, он предположил, что и время движется вперёд. Но правильное чередование времён года, а также практика существования в трёхмерном мире показывала человеку, что движение вперёд не исключает возвращения

к прежнему состоянию или объекту. Видимо, нередко были случаи, когда человек, двигаясь, как ему казалось только вперёд, приходил в исходную точку. Или мореплаватели, плывя по возможности прямо, полностью огибали острова и т.п. Подобные явления могли порождать циклические представления о времени, которые затем в некоторых обществах были заменены на волнообразные концепции, финалистские и др.

В начале XX века получила широкое распространение темпоральная концепция развития общества «по спирали». В конце XX века в моду вошло «разгибание» спирали (28). Излишне говорить, что все эти темпоральные описания имели важное отношение к проблеме идентичности исторического субъекта. Ибо они задавали ему ориентиры, согласно которым он определял своё положение по отношению к настоящему и будущему. На волне интереса к ориентирам во Франции появилась даже новая историческая школа (Анналов), обратившая достаточно пристальное внимание на проблему идентичности субъектов. Первые «анналисты» сгоряча провозгласили лозунг «тотальности» истории, что должно было привести к интерпретации исторического континуума если не в его предельной пространственной полноте, то с максимально возможным учётом всех внутренних и внешних связей субъекта. Но на деле вышло иначе. Большинство представителей этой школы, понимая невозможность охватить необъятное, принялись за эскизные наброски, в которых притязание на всесторонний анализ исторических субъектов, «уравновешивалось» популярным описанием наиболее значительных явлений и процессов (29). Методологические притязания анналистов в каком-то смысле спас Ф.Бродель. Стремясь не выходить за пределы методологии «анналистов», он стал рассматривать исторические субъекты в концептуально новых пространственно-временных границах (30). Наиболее отчётливо это проявилось в его исследовании квазиавтономной торговли России в XVI-XVIII вв, экономики Венеции XV в, Антверпена-Амстердама XVI-XVII вв и др. Следующий шаг в методологическом аспекте пытался сделать М.Фуко, который, воодушевившись идеей членения социального пространства, стал везде искать прерывности, считая их наиболее надёжными идентифицирующими факторами (31). Но эту попытку вряд ли можно считать успешной, поскольку светлое стремление чуть ли не в каждом социальном феномене видеть конец одного процесса и начало другого ведёт к тому бессмысленному умножению сущностей, об опасности которого предупреждал Оккам. В силу этого броделевская мысль о том, что при исследовании социального пространства следует обращать основное внимание на периоды большой протяжён-

ности, кажется нам значительно более продуктивной (32).

Поэтому, пытаюсь дать ответ относительно обстоятельств, которые приводят к переходу к другой пространственно-временной парадигме (т.е. перехода от одного социального хронотопа к другому), скажем следующее. Нам представляется, что для исследования процессов перехода исторического субъекта от одного социального хронотопа к другому, целесообразно ввести понятие *социального окна [эвентуальных (33) возможностей]*, приоткрывающего для общества в зависимости от состояния среды возможность перехода в иной социальный континуум (34). В этой парадигме социальное окно будет являть собой тот самый переход, посредством которого социальный хронотоп из предмета преимущественно эпистемологического рассмотрения (предлагаемый хронотоп) переходит в новое состояние, имеющее в основном онтологический статус (реализуемый хронотоп). Кроме того мы видим определённые перспективы и для введения другого понятия - *пространства социальных возможностей*, которое с течением времени меняется, так как, будучи мыслительным конструктом, напрямую зависит от коллективных представлений той или иной эпохи (35). То есть тем, что И.Кант называл трансцендентным, ноуменом (*noumena*) и интеллигибельным (*intelligibilia*) (36).

В этом смысле нам близка мысль И.Р.Пригожина о том, что время не только конструируется в каждый данный момент, но и может находиться в зависимости от решений, принимаемых социумом (37). Правда, в отличие от автора, мы склонны истолковывать её не в отношении физических процессов, где возможность влияния на них человека крайне невелика, а в социальном смысле и при условии неразрывной связи и зависимости времени от пространства. А также уточнив, что, возможно, время и «конструируется» каждый день, но далеко не каждый день этот конструкт способен проявить себя в качестве одного из решающих обстоятельств. Или, говоря иначе, полагая пространство основополагающей субстанцией, оказывающей сильнейшее воздействие на исторический субъект, мы, в отличие от геополитиков, считаем, что оно способно оказывать воздействие на его идентичность только в том случае, если это социально освоенное или же социально преобразованное пространство. То есть, представляет из себя объект, который преобразован в соответствии с ценностями некоего общества или которому приписывают определённые ценности (38). В этих случаях результат его воздействия на исторический субъект если и не обладает «зеркальным эффектом», то даёт нечто весьма на него похожее.

Что касается времени, то мы считаем его не атрибутом пространства, а одним из способов его измерения. И в этом смысле социальное время также является весьма значимым способом измерения социального пространства, ибо без него идентификация того или иного субъекта будет не полной. Поэтому, идентифицируя тот или иной исторический субъект по пространственным параметрам, мы по необходимости должны учитывать его темпоральную индикацию (например, «Дания XI века»). Из этого мы выводим два заключения. Первое состоит в том, что использование контаминации «хронотоп» в качестве термина, указывающего на основные показатели, которые мы применяем при определении идентичности, является вполне оправданным. Суть второго заключается в том, что благодаря способу темпорального изменения взаимовлияния и взаимопроникновения ментального и социального пространств, мы можем дать ещё одно определение идентичности исторического субъекта. Согласно ему, идентичность может рассматриваться также как способ связи ментальных и социальных пространств, направленный на оправдание существования исторического субъекта. В этой парадигме назначение идентичности заключается в том, чтобы придать смысл перехода исторического субъекта от одного социального пространства к другому, показывая при этом, что сам субъект по-прежнему сохраняет свои основные качественные характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Одним из первых термин «хронотоп» стал использовать М.М.Бахтин (вслед за А.А.Ухтомским и др.). Под хронотопом М.М.Бахтин понимал формально-содержательную категорию, предопределяющую образ человека в литературе (Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики* – М., 1975. С. 234-235).
2. Об этом писал В.И.Вернадский: «Философ вынужден считаться сейчас с существованием пространства-времени, а не с независимыми друг от друга двумя «естественными телами» - пространством и временем (Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление.* – М., 1991. С. 155).
3. В этой связи приведём интересное утверждение немецкого философа и теолога Мейстера Экхарда, ещё в XIII в заметившего, что эти понятия носят ярко выраженный социальный характер. По его словам, именно пространство и время представляют душе наибольшие затруднения в познании Бога (Eckhart. *Meister Eckharts. Schriften und Predigten* - Jena, 1921. Ss.137-138, 201).
4. Впервые проблему выбора обществом иного образца развития поднял Лейбниц. Он рассматривал её в духе соответствия того или иного возможного мира такой степени совершенства, который будет признан Богом достаточным для его перехода из исключительно ментального состояния в реальное пространство (Лейбниц Г.-В. *Монадология* // Лейбниц Г.-В. *Соч. в 4-х тт.* Т. 1 – М., 1982. С. 413-429).
5. Мы, прежде всего, имеем в виду дворцы Лефорты, Слободской, Екатерининский, Разумовского. Но на севере Москвы много и других зданий, преобразовавших её в совершенно новое социальное пространство.
6. Хальбвакс М. *Планы расширения и благоустройства Парижа до XIX века* // *Социальные классы и морфология.* – М.-СПб, 2000. С. 223-224, 234-237.
7. В дальнейшем как удачные (свойственные раннему советскому зодчеству), так и неудачные (связанные с поздним периодом советского зодчества) решения этой архитектурной парадигмы были заимствованы и воспроизведены во многих градостроительных проектах стран Западной и Центральной Европы.
8. Эти проекты были реализованы как в самой Италии (в Истрии, Апулии, Сицилии, Сардинии), так и в итальянских колониях (в Ливии, Эфиопии, Эритрее).
9. К наиболее удачным проектам, по-новому организующим социальное пространство, относятся здания вокзалов в Риме и Флоренции.
10. На то, что возможный «мир» имеет исключительно ментальную природу указывали не раз. См.: Крипке С. *Тождество и необходимость* // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XIII *Логика и лингвистика* – М., 1982. С. 354; Хинтиikka Я. *Логика в философии – философия логики* // *Логико-эпистемологические исследования* – М., 1990. С. 39; Степанов Ю.С. *Пространство и миры – новый, «воображаемый», «ментальный» и прочие* // *Философия языка: в границах и вне границ.* Международная серия монографий. Т. 2 – Харьков, 1994. С.11.
11. Это было подмечено еще в древности. Первым, кто объявил человека мерилем всего сущего был Протагор.
12. Вернадский В. И. *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения* - М., 1965. С. 201; Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление.* – М., 1991 (I, I, 11-12).
13. Это сознавал и сам Платон, связывая пространственность своих идей с особенностями восприятия, приводящего к якобы «незаконному умозаключению»; хотя на деле бытие, пространство и возникновение появились «порознь ещё до возникновения неба» (Тимей 52а). См.: Платон. *Тимей* // Платон. *Собр. соч.* в 4 тт. Т. 3. – М., 1994. С. 421-500.
14. Платон. *Государство.* Критий // Платон. *Собр. соч.* в 4 тт. Т. 3. – М., 1993. С. 501-515.
15. Мор Т. *Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии* // *Зарубежная фантастическая проза прошлых веков* – М., 1989. С. 17-130.
16. Среди этих последователей укажем на француза Бернардена, для которого воплощение идеала человеческого существования было возможно лишь на лоне дикой природы – он описывает жизнь счастливой пары на острове Маврикий (Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А.. *Поль и Виргиния* – М.-Л., 1937), и на русского учёного М.М.Щербатова, также описавшего счастливое общество на далёком юге (Щербатов М.М. *Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина* // *Русская литературная утопия* - М.,

1986. С. 37—79).
17. Её даже можно увидеть на некоторых иконах. Что касается словесных описаний, см.: Бытие 2:8; Откровение святого Иоанна Богослова 21: 1-25. Ср. топологию рая и ада у Данте и Д.Л.Андреева (Данте Алигьери. Божественная комедия – М., 1982; Андреев Д. Роза Мира – М., 2006).
 18. Хотя в качестве текста любое произведение и даже сообщение уже существует в пространстве и в этом смысле обладает пространственными характеристиками. См.: Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура – М., 1983. С. 227.
 19. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени – М., 1994. С. 188.
 20. Скажем в этой связи, что один из лидеров третьего сословия М.Робеспьер в речи 9 мая 1794 г оценивал энциклопедистов, как секту, в которую входило множество шарлатанов, никогда не ставивших высоко права народа, которые были горды в своих писаниях, но унижались в передних высокопоставленных лиц и прекрасно жили, получая пенсии от деспотов (Робеспьер М. Избр. произв. Т. 3 – М., 1965. С. 133).
 21. Свою мысль о вреде окультуренного пространства он иллюстрирует следующим образом: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это моё!» и нашёл людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберёт бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегайтесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» (Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты – М., 1968. С.74).
 22. Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю – М., 1991. С. 377-387.
 23. Бергсон А. Восприятие изменчивости - СПб., 1913. С. 31-32.
 24. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса – М., 1986. С. 298-355.
 25. Винер Н. Кибернетика или связь в животном и машине - М., 1983. С. 87-88.
 26. Это мнение И.Канта, полагавшего, что пространство, как и время, даны нам а priori. См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 8 тт. Т. 3. – М., 1994.
 27. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. Т. 1. – М., 1992. С. 94.
 28. См., например, рассуждения Ж.Делёза, сравнивавшего «сгибание и разгибание» у М.Фуко и М.Хайдеггера (Делёз Ж. О смерти человека // <http://www.antropolog.ru/doc/library/delez/delez>).
 29. См., например: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992; Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом – М., 2000.
 30. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Тт. 1-3. – М., 1986-1992.
 31. Фуко М. Археология знания – К., 1996. С. 9-12 и др.; Фуко М. Герменевтика субъекта – СПб., 2007. С. 329-330.
 32. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Тт. 1-3. – М., 1986-1992.
 33. то есть, допустимых при определённых условиях.
 34. Этот образ использовал ещё А.С.Пушкин, определяя действия Петра по строительству новой столицы словами, что он «в Европу прорубил окно» («Медный всадник», Вступление).
 35. Наша позиция отчасти пересекается с концепцией П.Бурдьё, который понимал под социальным пространством поле структурированных позиций акторов. См.: Bourdieu P. Quelques propriétés des champs // Questions de sociologie – P., 1984. P. 113.
 36. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 8 тт. Т. 3. – М., 1994. С. 719-722.
 37. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии, № 6, 1991. С. 52.
 38. Так поступали в XVII-XVIII вв многие европейские переселенцы в Северную Америку, приписывая новым землям новые идентификационные характеристики. Значительная часть колонистов была отвержена различным радикальным течениям реформационного христианства и потому находившаяся в конфронтации с властями тех земель, откуда они прибыли. В силу этого сам процесс переселения они воспринимали, как переход в иное пространство, уподобляя себя ветхозаветным евреям, которым, после заключения договора с Богом, был дарован для поселения Израиль. Одним из проявлений подобного отождествления была долго сохранявшаяся у потомков первых поселенцев мода на ветхозаветные имена: Абрахам (Авраам), Сара, Сэмюэль (Самуил), Бенджамин (Венеамин) и т.п. Следующие, более многочисленные волны эмигрантов, переселявшиеся преимущественно по экономическим причинам, идентифицировали североамериканские штаты совсем иначе, что нашло, в частности, своё проявление в том, что новозаветные имена – Джон (Иван), Мэри (Мария), Пол (Павел), Томас (Фома) и др. – почти вытеснили ветхозаветные.

A. Shabaga

SOCIAL HRONOTOP AND ESPECIALLY ITS IMPACT ON THE IDENTITY OF THE HISTORICAL SUBJECT

Abstract: In article identity of the historical subject is considered in a paradigm of a social window according to which transition by a society from one social continuum in another is carried out by means of the realised choice of one of the eventual possibilities based on construction of mental space. Thus the special attention is given to temporal aspect of measurement social chronotops.

Key words: social box social hronotop, identity, a historical actor.